

Маруся Светлова г. Белгород

Момент истины

Она точно знала, что скоро умрёт. Сейчас в этом не было уже никакого сомнения. Потому что приехала Лена, любимая её внучка, выращенная ею, пока дочь с мужем мотались по командировкам. Приезжала Леночка теперь нечасто, только на дни рождения родителей да её – любимой бабушки. И никогда – просто так.

И то, что она появилась у её постели неожиданно, словно проявилась в её нереальной реальности, говорило само за себя. Она приехала прощаться. Она знала, что пришла пора. Наверное, дочь, Ирина, позвонила и сказала:

– Выезжай, если хочешь застать бабушку живой... Остались считанные дни...

В то мгновение, когда Лена появилась у её постели, она, Вера, всё поняла. И даже обрадовалась этому: теперь она точно знала – это произойдёт скоро, очень скоро...

– Ты как, бабуль? – спросила Леночка, и слёзы выступили на её глазах, уже и так заплаканных, как ни старалась она это скрыть под слоем косметики, явно наложенной наспех.

– Как видишь, – попыталась улыбнуться Вера, видя, как по Лениным щекам потекли слёзы.

Она прикрыла глаза, позволив той плакать открыто. Но сама внутри себя была тиха и спокойна, словно зная, что скоро, очень скоро жизнь её завершится, сделало её спокойной и собранной. И находящейся как бы вне, над всем, что происходило здесь и сейчас.

– Бабуль, бабуль... – почти испуганно проговорила Леночка, и Вера открыла глаза.

– Я здесь, ещё здесь, – сказала она, а затем протянула слабую руку свою к внучке, желая взять её за руку, и та с готовностью протянула свою. Улыбка невольно возникла на лице Веры. Ей знакома была ладонь внучки: сколько раз водила она её за руку, сколько раз Леночка доверчиво вкладывала свою ладошку в её раскрытую руку, такое это было тёплое, родное прикосновение. Она понимала, теперь это было одно из последних их прикосновений. И, чувствуя, как подступают к глазам слёзы, опять закрыла глаза.

А когда открыла их, увидела встревоженное лицо внучки.

«Бойтись, что вот так закрою и уже не открою глаз», – подумала Вера и сказала:

– Не бойся, не сейчас... Скоро уже я уйду, ты сама знаешь. Но не сейчас...

Она говорила тихо, медленно, чувствуя свою слабость.

Лена молчала, но уже не плакала, словно признание это сняло с неё напряжение и необходимость делать вид, что она не знает о её скором уходе.

– Всё будет хорошо, Леночка... Все уходят, и я уйду, пришло моё время, – просто сказала она.

– Никогда не думала, что это случится... Что я вот так буду сидеть рядом с тобой, – Лена осеклась, смутилась и замолчала.

– Думала, – тихо сказала она внучке. – Конечно же, думала – все об этом думают. Все знают, что их родители, бабушки, дедушки уходят раньше. Вот и наше расставание уже близко, – мягко сказала она и усмехнулась.

Мгновенно ей стало легко, совсем легко, словно спало напряжение всех последних

месяцев этой болезни, бесконечных болезненных процедур, смены больничных палат. И она, как ей казалось, даже почувствовала себя лучше, словно силы, почти покинувшие её, появились вновь.

– Думала, бабуль, – неожиданно произнесла Лена, с нежностью глядя на изменившуюся, бледное лицо бабушки. – И, знаешь, когда я думала раньше об этом – что все мы уходим, – мне всегда было интересно, с чем люди уходят... Ну, вот о чём думает человек на смертном одре...

Она осеклась, и Вера мягко сжала её руку – мол, продолжай.

– Это такое таинство – что думают, о чём вспоминают люди перед уходом... – осторожно продолжила Лена.

Вера улыбнулась, не могла не улыбнуться. Ей была знакома Ленина пытливость, когда-то давно она сама говорила внучке: «Если тебе что-то интересно – спрашивай, не бойся, задавай вопросы. Ты жизнь узнаёшь, тебе нужно спрашивать, получать ответы».

И долгие годы между ними была полная открытость: в проявлении чувств, обсуждениях её детских, подростковых, юношеских секретов. Лена всегда доверяла своей бабушке: задавала свои «жизненные» вопросы, на которые Вера честно давала ответы. И, видно, пришло время не на «жизненные», а на «смертные» вопросы отвечать.

– Ты хочешь спросить, с чем я уйду? – спросила она.

– Ну, я не знаю, могу ли я... Надо ли мне об этом спрашивать... – смутилась внучка.

– Ты уже спросила, детка, – снова улыбнулась Вера. – Конечно, это очень интересно, – знать, что происходит у этой черты... – Она замолчала, потом сказала, всё так же тихо, медленно: – Знаешь, я в болезни своей беспокойной и думать-то сильно не могла. Несколько последних месяцев, сама знаешь, были постоянной борьбой за жизнь, борьбой с болезнью, тут думать некогда было, не до того...

Она замолчала, прикрыла глаза, словно устала, но легко сжала Ленину руку, чтобы та не волновалась, – она ещё не уходит.

– А сейчас, – открыла она глаза, – видно, пришло время самой понять, с чем я уйду...

– Я думала, уходя, люди подводят итог своей жизни: вспоминают, что сделано, вспоминают какие-то важные события, – сказала Лена.

– Нет, они не подводят итог, не перечисляют себе свои достижения или неудачи... Так, по крайней мере, со мной, – усмехнулась Вера. – Понимаешь, именно на границе со смертью вспоминаешь жизнь, жизнь во всём её проявлении, саму её концентрацию... Не успех, не вещи, не заработанные деньги тут подсчитываются, живая жизнь – вот самое главное, что вспоминается, когда жизнь вот-вот закончится... – Вера замолчала, трудно было говорить, в ней оставалось совсем мало сил. Но продолжила тихо: – Здесь уже не работают подсчёты, звания, приобретения. Всё это не важно, важным становится сама жизнь, и только жизнь. Только это учитывается, только это ценится и вспоминается... Вот с чем люди уходят из жизни – с её ощущением... Вот что я тут, лёжа на больничной койке перед скорым своим уходом, поняла...

– И ты вспоминаешь моменты жизни? Яркие моменты жизни? – тихо спросила Лена.

Вера не ответила, потом произнесла задумчиво:

– Понимаешь, здесь важно вспомнить самое ценное, самое важное, самое яркое из того, что человек пережил. Это самое дорогое, что хочется взять с собой, с чем хочется уйти, переступить этот порог – в не-жизнь...

– Думаю, – тихо сказала внучка, – у тебя в жизни было столько всего, что есть что вспомнить, что взять с собой.

– Нет, – просто сказала Вера. – Не так. В жизни моей действительно много чего было, только жизни во всём этом было мало. Были страдания, преодоления, трудности, усталости, обиды. Были и радости, и праздники. Но не это вспоминается, не с этим хочется уйти.

– А с чем? – растерянно спросила Лена.

– С ощущением жизни, настоящей, с настоящим, истинным моментом жизни, в котором она была в чистом виде, проявленная, сильная...

– Но... ведь у тебя это было? Были такие моменты истинной жизни, с чем ты уйдёшь? – уже смело, с надеждой в голосе сказала Лена.

– Да, были... Был один момент... Всего один момент...

– Всего один момент? – удивлённо переспросила Лена.

– Да, единственный раз в жизни я это пережила. Но это главное, что было в моей жизни... С этим я и уйду. И с этим не страшно уходить...

...Это случилось неожиданно, когда муж, выйдя из машины, пошёл к калитке, чтобы войти во двор их дома и открыть ворота гаража. Она, сидевшая в машине, просто смотрела ему вслед. Ничего не предвещало того, что случилось мгновение спустя. Она просто сидела и смотрела: на деревья, растущие перед их домом, когда-то давно посаженные ими, высокие рябины и стройные пушистые ели, на траву с разноцветными нежными летними цветами, знакомыми ей с детства. Потом перевела взгляд вверх, в небеса, где высоко плыли облака и под ними пролетали птицы...

И вдруг – словно чувства её обострились – ощутила она одновременно запахи трав и шум листвы, и все звуки, которыми было наполнено пространство, – от шума проезжающих машин до пения птиц и мягкого гула, которым, казалось, гудела вся планета.

Она словно погрузилась в глубины запахов цветов и хвои, бензина и разогретого асфальта, в яркие краски поля и синевы небес.

Она словно прозрела или вознеслась над этим миром – увидела с высоты пространство городов, и полей, и морей, и потоки рек, и потоки людей. И всё это видела она как будто в одночасье.

Она словно сама стала этим моментом, в ней слились эти запахи, звуки, цвета, об-

разы. И она в одно мгновение стала всем: и листом дерева, и его кроной, и корнями, и летящей над ней птицей, и небом, в мгновение почувствовала всё и вся. Весь мир, вся Вселенная осознанно увиделась ею, прочувствована была и протекла через неё, сконцентрированно и явно. И эти ощущения, мгновенно перетекающие через неё, словно слились в один поток реки, и река эта текла через неё, во всём многообразии, многоцветии образов, чувств.

Это было столь сильно и мощно, столь ново и ярко, что она, замерев, с растерянным и счастливым лицом, пропускала через себя эту реку. Так нестерпимо прекрасно было всё, что осозналось ею в одно мгновение, что она заплакала от переполняющих её чувств, словно её наполнили, залили ими, и они вытекали из неё в виде слез.

И это было самое яркое, сильное, необыкновенное, что испытала она в своей жизни. Момент, который вобрал в себя всю жизнь...

Лена молчала, словно услышанное лишило её дара речи.

– А где я была? – спросила она после долгого молчания, и Вера улыбнулась – как прежде, до болезни, – открыто, ярко: так тронул её этот вопрос. Так она, маленькая Леночка, спрашивала в детстве. С этим вопросом влезала она во все взрослые разговоры, понимая, что взрослые говорят о том, в чём она не участвовала, при чём не присутствовала.

– Ты тоже там была, – улыбнулась Вера. – Ты тоже там была, там был весь мир, сконцентрированный так туго, что в одно это мгновение вместились вся моя жизнь и жизнь всего мира, всей планеты. Там было всё. Там были все...

Вера замолчала, подбирая слова, чтобы объяснить то, что так сложно было объяснить словами.

– Понимаешь, это было такое удивительное проживание момента... – сказала она. – Я словно открылась жизни, и она вошла в меня вся, во всём своём масштабе и ве-

личии. Это было такое принятие всего, что меня окружало, что происходило, о чём я даже не думала, что не осознавала... И всё это в одно мгновение осозналось, пережилось мною так сильно, как ничто и никогда в моей жизни...

Лена внимательно слушала, наклонившись к ней, пылливо смотря ей в лицо.

– Понимаешь, это было так, словно я жила мимо всего этого, и вот – увидела всё сразу, в одно мгновение. Как будто вся моя жизнь до этого момента была кусочками, клочками чего-то целого, не испытанного. Словно жизнь моя шла где-то в стороне и была лишь отголоском настоящей, сильной, истинной жизни...

Она замолчала, словно вспоминала это проживание. И добавила:

– Как будто я сама была разделена на сотни, миллионы осколков, и вот, в одно мгновение, собралась в целое, соединив в себе всё: и вкус, и запахи, и цвета, всё, в чём была разложена на части...

– А потом? – спросила Лена. – Что было потом?

– Потом... всё, что соединилось, пересеклось во мне, обрушилось на меня, ушло, растеклось обратно: в листья дерева, в его корни, в птиц, в мир, в звуки и запахи этого мира... Сквозь меня прошёл поток жизни, и всё просто закончилось... Это длилось считанные мгновения, не больше минуты: муж за это время открыл калитку, вошёл во двор, открыл ворота, вернулся к машине. Он сел за руль и увидел меня в слезах. Я плакала, переполненная жизнью, словно самой жизнью плакала... Я плакала от благодати этой, от благодарности, что я это пережила, что я есть, что живу, что вокруг меня – жизнь...

Вера замолчала, и, помолчав, словно собравшись с силами, продолжила:

– Знаешь, я думала, что жизнь – это то, что происходит со мной, в моей семье, на работе. Я думала, жизнь – это то, как я живу, как живут другие люди, что это – дела, заботы, какие-то переживания... Но жизнь... она гораздо больше, чем дорога домой или

с работы, домашние заботы, покупка нового телевизора или засолка огурцов на зиму... Жизнь – это не действие, Лена, я это точно поняла... Жизнь – это не результат: купить машину или стать начальником... Жизнь – это процесс, это чувства, впечатления, ощущения, эмоции. И запах травы – это жизнь, и удивление первому снегу – жизнь, и просто тихий тёплый вечер – жизнь. Это наслаждение процессом, это смакование происходящего, это проживание того, в чём ты находишься...

Вера замолчала. Потом, глядя на внучку с мягкой улыбкой, сказала:

– Я всё это точно поняла... Почувствовала, – поправила она себя. – Мне дано это было почувствовать... Жизнь надо чувствовать...

Она опять замолчала. И тихо, еле слышно, продолжила:

– Потом, после случившегося, я и начала жить... – тихо сказала Вера. – Я начала чувствовать жизнь во всём: в том, как красиво варится варенье, как густеет клубничный сироп и как мелодично поют пчёлы. Я стала проживать каждый рассвет, как необыкновенной красоты процесс. Я стала смотреть в небеса, чтобы видеть плывущие в них живые облака. Я стала чувствовать жизнь, словно во мне открылся вкус к жизни...

Лена молчала, словно замороженная, потом, вернувшись в своё всегда активное состояние, сказала:

– Я тоже так хочу... Хочу такое пережить, чтобы было с чем уходить из жизни... Хочу так жить, чтобы жизнь чувствовать...

– Переживёшь, – уверенно сказала Вера. – Ты, главное, помни, что самое важное – чувства, ощущения, проживания момента... Это и есть сама жизнь. Вещи, статусы, карьера – это только способы, средства жить. Сама жизнь глобальнее, шире и глубже. Жизнь всегда вокруг тебя и в глубине тебя... Я непонятно говорю? – спросила Вера, видя глубоко задумчивый Ленин взгляд.

– Знаешь, бабуль, я не хочу сейчас это понимать... – тихо сказала внучка. – Наверное, умом это не поймёшь, – усмехнулась она. – Я просто сердцем чувствую, о

чём ты говоришь... И я чувствую, что ты говоришь...

Вера сжала ладонь Лены, сжала, как казалось ей, крепко. На самом деле таким слабым было её пожатие, что Лена скорее угадала, чем почувствовала его. И в ответ нежно сжала бабушкину слабую ладонь.

А Вера, вдруг словно погружаясь в мгновенный, неожиданно окутавший её сон, прикрыла глаза и почувствовала головокружение – странное, лёгкое, мягкое. Словно в каком-то нежном водовороте стало вращаться её тело, лёгкость и слабость вдруг покрыли его, проникли в него. И она почувствовала, угадала: это она уходит...

И в этот миг, волнуясь, словно должна была она ещё успеть что-то сделать, что-то сказать, что-то увидеть, приоткрыла глаза, из которых уже утекала, уходила жизнь. В последний её взгляд на жизнь, которую она покидала, вошёл, вобрался поток света от больничных окон с развевающимся краем шторы, звук подъезжающего автомобиля, голоса людей, идущих по больничной аллее, запах лекарств и гречневой каши, готовящейся на ужин, звук играющего где-то радио, яркий лоскут Лениного платья, в котором уже было не разобрать рисунка, и светлые волосы любимой её девочки, и ладошка её, доверчиво покоящаяся в её руке, и глаза её удивлённые, в которых застыл вопрос и понимание, что она, бабушка её, уходит сейчас, в этот момент.

Вера словно обняла всё это на прощание. Вобрала в себя этот мир, этот последний момент жизни, который она успела прожить – ярко, сильно, как момент истины – в своём сердце. Глубоко вдохнула его.

И в последнем своём вдохе ушла.

Ушла в иную жизнь, с ощущением этой жизни внутри – самого ценного, что у неё было.

Ушла с ощущением этой жизни и Леночкиной ладошки в её руке.

Лена, всё ещё не забирая своей ладони из руки умершей бабушки, вдруг – в одно мгновение осознания – испытала яркий, мощный поток чувств, в котором была рука эта, слабая, ещё почти живая, тёплая, и бабуля её любимая, со слабым её телом, накрытым простынёй с больничным штампом, и свет из окна, яркий, сильный, и развевающиеся шторы, словно там, снаружи, била жизнь. Она проявлялась в звуках, в запахах, в цветах и красках. Всё это, невидимое для Лены, словно стало видимым, проявленным – и деревья на больничной аллее, и люди, идущие мимо них и сидящие на скамейках, и высота небес, и громады облаков в них, и масштаб города и городов вдруг соединились в единый, огромный красочный момент, момент жизни, существующей, продолжающейся несмотря ни на что, торжествующей красками и звуками, живой, яркой жизни, сконцентрированной в едином этом мгновении – как праздник её, как доказательство, что она была, есть и будет, сколько бы ни уходили люди, унося с собой её отголоски...

...Она шла по больничной аллее, мимо деревьев, мимо сидящих на скамейках людей. Внутри неё было тихо и светло.

– Я это пережила, бабуль, – сказала она вслух и посмотрела вверх, в небеса. – Есть с чем уходить, – продолжила она с мягкой улыбкой, – но я еще поживу... – И с силой, с жизнью в голосе произнесла: – Я буду жить так, чтобы в моей жизни было много таких моментов, моментов истины...

И пошла в жизнь, зная, зачем она туда идёт...

страницы автора:

svet-love.ru

vk.com/id62671728

